

УДК 811.161.1'28

А. А. Камалова

О ТРУДЕ А. Н. ГРАНДИЛЕВСКОГО
«РОДИНА МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОМОНОСОВА...»
С ПОЗИЦИЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Освещается малоизвестный труд холмогорского священника А. Н. Грандильевского, посвященный Куростровским поселениям Холмогорского уезда Архангельской области – родине М. В. Ломоносова. Книга, созданная в начале XX столетия, характеризуется как соответствующая современным принципам лингвокультурологического описания локуса.

This article is dedicated to a little-known work of a Kholmogory priest, A. N. Grandilevsky on Kurostrov settlements of the Kholmogory district of the Arkhangelsk region – the birthplace of M. V. Lomonosov. The book created in the early 20th century is defined as corresponding to the modern principles of linguistic-cultural locus description.

Ключевые слова: лингвокультурология, локус, А. Н. Грандильевский, М. В. Ломоносов, Куростров.

Key words: linguistic cultural studies, locus, A. N. Grandilevsky, M. V. Lomonosov, Kurostrov.

В преддверии 300-летнего юбилея М. В. Ломоносова на его родине, в Архангельской области, вышла в свет работа А. Н. Грандильевского «Родина Михаила Васильевича Ломоносова (Описание ко дню двухсотлетнего юбилея от рождения сего первого русского ученого)» [1].

Личность Ломоносова можно понять глубже, составив представление о природе, в окружении которой он вырос, о людях, в чьей среде формировался его характер. На наш взгляд, именно Грандильевскому удалось наиболее убедительно описать природный и социальный фон, взрастивший российского ученого.

Аркадий Никандрович Грандильевский родился в 1875 г. в селе Емецком Холмогорского уезда Архангельской губернии, после училища и духовной семинарии служил священником в Куростровском приходе и преподавал Закон Божий в Ломоносовском училище. Он был весьма искусен в разных ремеслах, отлично изготовлял и ремонтировал различные хозяйственные вещи. Его перу принадлежит серия работ о родине Ломоносова.

В юбилейном издании [1] впервые полностью опубликована рукопись, созданная Грандильевским в 1902–1903 гг. Она хранится в Архангельской областной научной библиотеке имени Н. А. Добролюбова и представляет собой наиболее полный свод археографических, исторических, лингвистических и этнографических сведений о Холмогорском

уезде Архангельской губернии конца XIX в. К изданию ее подготовили сотрудники Архангельской областной библиотеки.

Работа Грандильевского представляет большой интерес для историков, краеведов, этнографов. Идиостиль, когнитивный и культурный фон текста актуальны для лингвистов. В данной статье мы рассмотрим труд Грандильевского с лингвокультурологических позиций.

Основной текст книги состоит из двух отделов, включающих девять глав и два дополнения. Отдел I имеет подзаголовок «Топография родины Михаила Васильевича Ломоносова», отдел II — «Прошлое и позднейшее на родине Михаила Васильевича Ломоносова в бытовом отношении». Характерное свойство текста — многоаспектное описание конкретного локуса в динамике, представленное в пяти исторических срезах, отражающих следующий замысел автора: описать (1) древнюю историю родины Ломоносова, (2) ее состояние в XVI — XVII вв., предшествовавших рождению великого земляка, (3) в начале XVIII в. — в годы детства Ломоносова, (4) в начале XIX в. — через 100 лет после рождения Ломоносова и, наконец, (5) в конце XIX — начале XX в., спустя 200 лет после его рождения. Текст дополняют топографические карты-рисунки, изготовленные Грандильевским, и пояснения к ним (всего 12 карт).

Анализ текста позволяет сделать вывод о том, что Грандильевскому уже в самом начале XX в. удалось реализовать идею, которая получила теоретическую разработку в начале XXI в., — осуществить лингвокультурологическое описание конкретной территории (см.: [2]).

В силу исторических, социальных, территориальных факторов русское культурное пространство представляет собой совокупность индивидуальных, социальных и территориальных культурных пространств, а это значит, что картина мира этноса мозаична, и исследование региональных картин мира будет способствовать воссозданию общенациональной картины мира. Полагаем, что при культурологическом описании локуса логично руководствоваться следующими принципами:

1. К описанию должны привлекаться населенные пункты, имеющие общие территориальные границы, исторические и социальные условия формирования, так как традиционная культура подобного сообщества формируется как результат его жизнедеятельности в определенных природных и социальных условиях, представляя собой сложное и многослойное образование, отражающее особенности заселения, характерные промыслы, географические условия, этнолингвистические контакты и многое другое.

2. К описанию следует привлекать поселения, обладающие высокой культурной значимостью, что предполагает длительную историю, существенную роль в культурной, религиозной, экономической, социальной жизни государства или конкретного региона.

3. Описание материальной и духовной региональной культуры опирается на актуальный материал (экспедиционный), а также на тексты, содержащие историческую, этнографическую, социолингвистическую информацию о регионе.

4. Важным принципом культурологического описания региона является опора на языковой материал, именно язык выступает хранителем знаний, показателем культуры и духовности, обеспечивая связь времен [2, с. 38–39].

В рукописи Грандилевского воссоздается история Куростровских поселений Холмогорского уезда Архангельской области. Автор возводит историю заселения Курострова ко второй половине IX в.: «Когда Холмогорский край, и в частности Куростров, представляли собой славное торговое место Биармию, известное еще во времена Ярослава Мудрого, ничего не будет удивительного и невероятного, если Холмогоры и Куростров признать заселенными местами с самого начала Руси...» [1, с. 55].

Эта точка зрения является дискуссионной, однако она отражает легенды Поморского Севера о существовавшей некогда на его территории древней стране. Размышления Грандилевского об истории заселения Курострова подтверждаются выписками из Памятной книги Куростровской церкви, содержащей «неизвестно откуда слышанное предание о расселении чудского племени от некоего родоначальника по имени Кур» [1, с. 55–56]. По Грандилевскому, к 1397 г. Куростров именован как селение, получившее гражданское устройство. За сто лет до рождения Михаила Васильевича Ломоносова Куростров представлял собою куст деревень — *Ильинская, Денисовская, Афанасьевская, Тучковская, Настасьевская, Нестеровская, Сивчевская, Калитинская, Хмелевская, Шахматова, Кичиженская, Шиздерская, Луховская, Семёновская, Заулицкая, Григорьевская* (всего 16). В начале XIX в. на этой территории располагалось 23 деревни, некоторые из ранее существовавших изменили название или получили прозвища, например, деревня *Шиздерская* стала именоваться *Подосиновской, Хмелевская — Пустошкой* и т. п.

Грандилевский задает вопрос: «Что же в начале XX века представляет из себя деревня, где родился Михаил Васильевич Ломоносов?» Местом рождения Ломоносова Грандилевский называет деревню Денисовка и делает попытку определить местоположение дома, в котором ученый родился и провел юные годы. Однако задача эта сложная и едва ли выполнимая. Древнейшая деревня *Денисовка* перестала существовать в середине XIX в. по причине осыпания берега реки Курополки. Крестьяне переместились в деревню *Нестеровскую*, которая была переименована в *Денисовскую*, а с 1868 г., по случаю столетия со дня кончины Ломоносова, в *Ломоносовскую*. Деревни Курострова переименовывались, стоявшие на крутом берегу реки переносились из-за его осыпания, разрастались и объединялись. Вот почему вопрос о том, как называлась деревня, в которой родился Ломоносов, остается открытым.

Грандилевский скрупулезно описывает местонахождение и название лесов, возвышенностей, водоемов, пустошей, пахотных земель и лугов, обращает внимание на топографические изменения, произошедшие на родине Ломоносова, сравнивая материалы документов с новыми наименованиями различных местностей, озер, ручьев. Так, напри-

мер, *Глубокое* стало новым названием известного в Богоявленском острове *Чёрного* озера. С горечью пишет автор о том, как вырубался и постепенно прекратил существование величественный Куростровский ельник, бывший главным украшением родины Ломоносова.

Грандильевский считает необходимым описать не только природную, но и социальную почву, взрастившую гения. На основе фамильных списков крестьян Куростровского сельского общества и архивных церковных книг восстанавливается список фамилий, существовавших к началу XX в. в Куростровском селении. История фамилий прослеживается с 1623 г., выявлена 151 фамилия семей, постоянно проживавших на этой территории и регистрировавшихся в разные исторические периоды. Алфавитный список фамилий включает сведения о том, с какого времени упоминается фамилия, какие из них были известны при Ломоносове, какие родственны ему, с какого времени намечается упадок той или иной фамилии, а также какие из них сохранились со времен Ломоносова к началу XX в. Среди последних назовем старейшие — *Банёвы*, *Верещагины*, *Демушины*, *Демидовы*, *Мартемьяновы*, *Пахомовы*, *Рязановы* (все они регистрируются с 1623 г.).

По Грандильевскому, фамилия *Ломоносовы* просуществовала в Курострове только одно столетие — с 1650 г. по 1750-й. Эти сведения восстанавливались по доступным документам, вот почему Грандильевский пишет: «Быть может, со временем отыщется какой-либо документ, окончательно раскрывающий загадочное прошлое фамилии Ломоносовых» [1, с. 212].

Большое внимание Грандильевский уделяет описанию промыслов и ремесел на Курострове. Традиционным являлся морской промысел, обширным и цветущим было кораблестроение, положившее начало российскому флоту, богатую прибыль приносили порубка и сплав леса. Однако постепенно леса оскудели, широкое лесное дело повлияло на обмеление Двины, а ближе к 1760 г. участки для рыболовных тоней на берегах Ледовитого океана и Белого моря из рук крестьян были отчуждены [1, с. 213]. Но оставались охотничий промысел, смолокурное, столярное, плотницкое, бондарное дело. На Курострове жили хорошие сапожники, слесари, кузнецы, портные. С середины XVIII в. развивается почетное занятие резьбой по кости. Упоминает Грандильевский и о таком старинном промысле, как ловля соколов и речетов для царской охоты. Земляки Ломоносова характеризуются как люди деятельные, способные легко обучиться всякому труду. Опираясь на сведения из Писцовой книги, где регистрировались промысловые оброки, и на воспоминания, Грандильевский пишет: «...мы получили сведения, что земляки Михаила Васильевича оказались сведущими дельцами чуть не во всех известных среди крестьян ремеслах и сверх того в художественном занятии резьбой по кости» [1, с. 183].

При описании ремесел и промыслов автор обращается к соответствующей терминологии: *красный промысел* (ловля красной рыбы), *пищальное дело* (очевидно, охотничье), *ельничное дело* (аренда ельников), *го-*

родовое дело (видимо, перевоз грузов по Двине и ее притокам), *отхожий промысел* и т.д. Автор отмечает ремесленную специализацию населения: в Матигорах обитают *медники, слесаря, кузнецы и кирпичники*, в Быстрокурье — *колесники и санные мастера*, в Ровдине — *бондари*, в Вавчуге — *плотники*, в Залыве — *столяры, маляры и плотники* и т.д.

Издавна среди земляков Ломоносова ценились не деньги, но крепкое домашнее хозяйство, скот, запасы продовольствия и сена. Это позволяло крестьянам пережить неурожай, стихийные бедствия, социальные потрясения. Крестьяне любили и берегли свои дома, и, несмотря на то что все постройки были деревянными, пожары были крайне редки в Курострове.

64

Богатый дом в Курострове обычно был двухэтажным, а если одноэтажным, то большим, при доме весь комплект хозяйственных пристроек. Имеющиеся деньги тратились на лучшие иконы и киоты, инструменты, инвентарь, обязательными были в доме самовар, медная посуда. «Первейший источник довольства земляков Ломоносова составляет хорошо установленный порядок крестьянского хозяйства» [1, с. 216–217].

Помимо описания материальной культуры Курострова, в рукописи содержится информация о крещении младенцев и обычаях, с ним связанных, а также о сватовстве и свадьбе. Автор на удивление внимателен к деталям, частным подробностям, приметам. Описывая распределение ролей в сценарии крестин, отмечает, что бабке-повитухе не положено ни угощения, ни платы за вспоможение *родимице*, но она обязана обнести вином всех, кто обедает после крещения, и за это получает особый денежный подарок — *в кашку бабке*. Грандилевский деликатен в своих описаниях: «Опорожненную купель никогда не заносят в жилое помещение, чтобы снова не случилось вскоре же крестин» [1, с. 281]. Текст максимально информативен и лиричен одновременно: «Пока записывает священник акт о рождении и крещении, бабы суетливо заготавливают воду в купель, хлопочут возле самовара и посуды, в общем, все превращается в трогающее душу ожидание чего-то великого, торжественного, и даже самый воздух деревенской хаты, ее незатейливое убранство и наряд веют чем-то освященным» [1, с. 281].

С вниманием к историческим фактам и датам говорится в рукописи о крестьянской грамотности и церковном устройении [1, с. 253–280]. Пишет Грандилевский и о доморощенной крестьянской медицине, упоминая *костоправов, потирух, знахарей, колдунов и ворожей*, их аптеку «с ужасающими медикаментами» и приемами [1, с. 309–310].

Повествование о быте и ритуалах не могло обойтись без обращения к фольклорному материалу и этнографизмам. Рукопись включает тексты колыбельных, свадебных, игровых песен, комментирует условия их исполнения, сопровождая комментарий авторскими замечаниями и оценками: «Что касается репертуара крестьянских хороводных, плясовых, общеувеселительных, свадебных и колядных песен, то он на родине Ломоносова так широк, как широка самая натура веселящегося мужичка» [1, с. 305].

Этнографизмы сопровождают описание построек, одежды, свадебной церемонии и, как правило, снабжены пояснениями. Например, невеста, не имеющая отца, — *безотная*; *крученье* — обряд переодевания головного убора новобрачной; *крутельница* — лица, совершающие крученье; *сколок* — элемент головного убранства новобрачной в виде цветного чепчика. Предпринимается попытка проследить этимологию и историю слова *шаньга*¹: «Можно предполагать отсюда, что наши **шаньги** (южнорусские паленицы) ни более ни менее как чудские лепешки, ибо однозначнащее сему слово “шеньга” или “шенька” в имени реки Шенкурского уезда есть чудское слово» [1, с. 174]. Полагаем, что данное слово стало производящим для фамилии *Шангинь*, регистрируемой «духовными росписями» на Курострове с 1770 г. [1, с. 204].

Грандильевский кропотливо и бережно собирает всевозможные факты, касающиеся личности Михаила Васильевича Ломоносова, его родных, а при отсутствии необходимых сведений прибегает к приему реконструкции. Так, например, сведения о доме, в котором родился Ломоносов, не сохранились, и в рукописи дом реконструируется на основе данных о характерных для того времени постройках. А изучение уклада жизни крестьян Курострова помогает строить предположения о детских и юношеских занятиях Ломоносова.

Православный священник Аркадий Никандрович Грандильевский, преклоняясь перед заслугами великого ученого и родоначальника русской изящной словесности, создал достойный труд, вносящий большой вклад в ломоносовскую тему, обогащающий и украшающий «поморский текст». Труд Грандильевского отвечает основным принципам лингвокультурологического описания локуса, на сто лет предвосхищая подобные попытки начала XXI в.

Список литературы

1. Грандильевский А.Н. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Описание ко дню двухсотлетнего юбилея от рождения сего первого русского ученого. Архангельск, 2009.
2. Камалова А.А., Савелова Л.А. Лингвокультурологическое описание северной русской деревни. Архангельск, 2007.

Об авторе

Алла Алексеевна Камалова — д-р филол. наук, проф., Варминско-Мазурский университет в Ольштыне, Польша.
E-mail: aaka46@rambler.ru

About author

Prof. Alla Kamalova, University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland.
E-mail: aaka46@rambler.ru

---

¹ Популярное на Русском Севере мучное изделие в виде небольшой обливной лепешки (поливается сметаной с сахаром, готовится в печи из некрутого сдобного теста).